

Научная статья
УДК 947(57.63)"199"
DOI: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-126
EDN: FEDWVB

**Проблема изменения конституционно-правового статуса
Приморского края и концепт «Республики Приморье»
в региональном политическом дискурсе начала 1990-х гг.**

Николай Степанович Воронцов

Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток
nsv91@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2755-3804>

Аннотация. Статья посвящена проблеме изменения конституционно-правового статуса Приморского края в период политических трансформаций и разработки новой модели федеративного устройства России в начале 1990-х гг. Автором исследованы причины и предпосылки появления в регионе движения за повышение статуса Приморья как субъекта Российской Федерации и наделения региона правами республики в составе России. Выявлены основные акторы данного процесса в лице группы депутатов Приморского краевого Совета. Изучены идейные основания «республиканской» платформы, ключевые программные положения сторонников изменения статуса региона, которые легли в основу проекта Декларации о статусе Приморского края. Автором на основе архивных документов и материалов региональной периодической печати проанализирован ход дискуссии на сессии краевого Совета с участием исполнительной власти при рассмотрении в июле 1993 г. вопроса о принятии Декларации и возможных последствиях данной акции. Обозначенные процессы исследованы в контексте общероссийской дискуссии о достижении краями и областями равных прав с национальными республиками, участия регионов в работе Конституционной комиссии. Показано, что региональный фактор сыграл существенную роль в политической трансформации России и закреплении в новой Конституции равных прав всех субъектов Федерации. Проанализированы обстоятельства, помешавшие провозглашению Республики Приморье летом – осенью 1993 г. Автор приходит к заключению, что движение за изменение конституционно-правового статуса Приморья не носило сепаратистского характера и не добивалось отделения от России, представляя собой регионалистский проект. Главной целью нереализованного политического концепта Республики Приморье являлось приобретение дополнительных прав и полномочий, преодоление изъянов «асимметричной» федерации и привлечение внимания федерального центра к проблемам Приморья.

Ключевые слова: Приморский край; Дальний Восток; Конституционное совещание; субъекты Российской Федерации; политический кризис 1993 г.; федерализм; регионализм

Для цитирования: Воронцов Н. С. Проблема изменения конституционно-правового статуса Приморского края и концепт «Республики Приморье» в региональном политическом дискурсе начала 1990-х гг. // Социально-политические исследования. 2025. № 2 (27). С. 126–148. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-126>. <https://elibrary.ru/FEDWVB>.

Original article

The problem of changing the constitutional and legal status of Primorsky territory and the concept of the “Republic of Primorye” in the regional political discourse of the early 1990s

Nikolay S. Vorontsov

Candidate of historical sciences, researcher, department of socio-political research, Institute of history, archaeology and ethnology of the peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok

nsv91@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2755-3804>

Abstract. The article is devoted to the problem of changing the constitutional and legal status of Primorsky Territory during the period of political transformations and the development of a new model of the federal structure of Russia in the early 1990s. The author has studied the prerequisites for the emergence of a movement in the region to enhance the status of Primorye as a subject of the Russian Federation and grant it the rights of a republic. The main actors of this process are identified in the person of a group of deputies of the Council of Primorsky Territory. The ideological foundations of the pro-republican platform, the key program provisions of the supporters of changing the status of the region, which formed the basis of the draft Declaration on the status of Primorsky Territory, are studied. The author, using archival documents and regional periodicals, analyzed the course of the discussion in July 1993 at a session of the regional Council with the participation of the executive branch when considering the issue of adopting the Declaration and the possible consequences of this action. All these processes are studied in the context of the all-russian discussion on the achievement of equal rights by the territories and regions with the national republics, as well as the participation of the regions in the work of the Constitutional Commission. The author shows how the regional factor played a significant role in the political transformation of Russia and the consolidation of equal rights for all subjects of the Federation in the new Constitution. The circumstances that prevented the proclamation of the Republic of Primorye in the summer and fall of 1993 are analyzed. The author concludes that the movement to change the constitutional and legal status of Primorye was not separatist or secessionist and did not seek separation from Russia. It represented a regionalist project. The main goal of the unrealized political concept of the Republic of Primorye was the acquisition of additional rights and powers, overcoming the shortcomings of the “asymmetric” federation and attracting the attention of the federal center to the problems of the region.

Key words: Primorsky territory; Russian Far East; Constitutional Conference; Subjects of the Russian Federation; political crisis of 1993; federalism; regionalism

For citation: Vorontsov N. S. The problem of changing the constitutional and legal status of Primorsky territory and the concept of the “Republic of Primorye” in the regional political discourse of the early 1990s. *Social and political researches*. 2025;2(27): 126–148. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-2-27-126>. <https://elibrary.ru/FEDWVB>.

Введение

В новейшей истории России одной из актуальных и значимых проблем остается исследование эволюции региональной политики и развитие взаимоотношений между регионами и федеральным центром в первой половине 1990-х гг. Этот период оказался временем глубоких трансформационных процессов. Крушение советской национальной политики и пересмотр прежних форм управления территориями в годы перестройки обнажили глубокие противоречия внутри России, до этого в значительной степени скрытые под маской единой партийно-советской управленческой вертикали.

Возникшая необходимость выстраивания новых федеративных отношений в условиях политической нестабильности и неопределенности породила множество противоречий и конфликтов. Экономические, этнокультурные и исторические особенности отдельных регионов, ранее подчиненные общей идеологии, теперь приобрели огромное значение. Не только национальные республики и автономии России, но также многие края и области с русским этниче-

ским большинством, оказавшись в ситуации резкого экономического спада, обозначили свое стремление к большей самостоятельности.

Региональные органы власти, в первую очередь, областные и краевые Советы народных депутатов, искали способы защиты своих интересов от противоречивой и непродуманной, на их взгляд, политики федерального центра, стремясь получить дополнительные полномочия, экономические и налоговые преференции, возможность распоряжаться местными ресурсами. Если республики в составе России в начале 1990-х гг. добились соответствующих прав, то на края и области эти уступки не распространялись, что порождало феномен «асимметричной» федерации, создавало ощущение несправедливости и неравенства. В этих условиях характерной чертой регионального развития стала борьба за конституционное равноправие субъектов Российской Федерации, для достижения которого области и края России оказывали давление на федеральный центр [Осипов, 2019, с. 86]. Намерение повысить свой конституционно-правовой статус зачастую сопровождалось разра-

боткой собственных концепций регионального развития.

Не остался в стороне от идей регионализма и российский Дальний Восток. Будучи «окном» России в Тихий океан, обладая богатейшими природными ресурсами и уникальным геополитическим положением, он даже в более стабильные исторические периоды требовал особого внимания со стороны высшего руководства страны. Исторически этот макрорегион не имел устойчивых традиций собственной государственности. Исключение составил лишь краткий эпизод (1920–1922 гг.) существования Дальневосточной республики (ДВР) и нескольких антибольшевистских политических образований на заключительном этапе Гражданской войны. Тем не менее в годы перестройки, а также на начальном этапе формирования федеративных отношений в постсоветской России, в регионе возникло несколько проектов, в основе которых лежало стремление наделить Дальний Восток либо его часть политической субъектностью и большей самостоятельностью в составе федеративного государства.

Одним из них стала идея создания новой Дальневосточной республики в составе Российской Федерации – объединения всех либо большинства территорий Дальнего Востока от Арктики до границ с Китаем и Кореей [Воронцов, 2024а, с. 146]. Менее известным, но не менее значимым проявлением идей

регионализма являлась концепция Республики Приморье, возникшая в 1993 г. и предусматривавшая учреждение на территории Приморского края нового государственно-территориального образования, обладающего конституционно-правовым статусом республики в составе Российской Федерации.

Несмотря на интерес историков к анализу причин, побудивших часть региональной элиты обратиться к «республиканской» идее, движение за изменение конституционно-правового статуса Приморья ранее не рассматривалось как предмет специального исследования. Ограниченное внимание к вопросу генезиса приморского регионализма, его акторов и программных документов в историографическом контексте резко контрастирует с исследованием феномена Уральской республики, широко представленного в научной литературе [Камынин, 2022; Осипов, 2021]. Внимание исследователей, пусть и в меньшей степени, привлекали также иные регионы России, стремившиеся обрести статус республик [Витковская, 2021; Шашонков, 2021; Шевелев, 2021]. Стремление «неэтнических» регионов повысить свой статус рассматривалось в более широком контексте генезиса федерализма и регионализма в постсоветской России [Шевелев, 2023]. Так, И. К. Кирьянов и П. В. Панов, помимо исследования теоретических аспектов регионализма, провели анализ тра-

екторий его развития на примере трех областей: Архангельской, Калининградской и Свердловской [Кириянов, 2022; Панов, 2020]. В исследовании упоминался и Приморский край, которому для преобразования в республику, по мнению авторов, не хватило поддержки местного населения. Большинство историков-дальневосточников, специализирующихся на новейшей истории региона, либо обходили стороной данное явление, либо отмечали его как малозначительный эпизод, также констатируя, что концепт Республики Приморье не получил массовой поддержки со стороны жителей края [Буянов, 2001; Буянов, 2015; Ващук, 1996; Коваленко, 2021; Коняхина, 2008; Общество и власть ... , 2016; Троякова, 1996].

Таким образом, тему исследования можно охарактеризовать как малоизученную. Целью данного исследования является анализ обстоятельств возникновения «республиканских» настроений в Приморье, их генезиса с учетом как местной специфики, так и общероссийских процессов: заключения Федеративного договора и работы Конституционного совещания, борьбы за равноправие субъектов Федерации при разработке новой Конституции России, политических трансформаций конца 1993 г. Подлежат анализу и причины, обусловившие неудачу «республиканского» проекта в Приморье. Необходимо учитывать, что движение за

республику, не получив широкой поддержки, все же отражало стремление части региональной элиты и общества к самовыражению и самоорганизации. Важно также рассмотреть, какие уроки можно извлечь из этого опыта.

Методы исследования

В основу методологии исследования положены историко-генетический и сравнительный (контрастное и индивидуализирующее сравнение) методы с элементами историко-антропологического подхода. В статье на примере отдельного региона – Приморского края – рассматривается феномен регионализма в постсоветской России. Концептуально автор придерживается определения регионализма, данного И. К. Кирияновым и П. В. Пановым, и представляющего собой стремление к обретению регионом политической субъектности посредством продвижения проекта, в котором артикулировались и обосновывались основные требования: обретение автономного статуса, получение особых полномочий и возможности участвовать в принятии решений в одной из сфер политики, особенно чувствительной для данного региона.

Источниковая база исследования

Источниками по данной проблеме служат документы Государственного архива Приморского края: стенограммы сессий краевого Совета народных депутатов, протоколы заседаний малого Совета и

постоянных комиссий, политические заявления и публичные выступления представителей депутатского корпуса и администрации Приморского края. В этих документах отразились основные вехи общественной дискуссии о будущем Приморья, включая разработку и обсуждение Декларации о статусе Приморского края.

Другой важной группой источников являются материалы периодической печати Приморья, в первую очередь, публикации в многотиражных газетах «Утро России» и «Красное знамя», освещавших ход дискуссии. Меняющийся тон и содержание газетных статей в течение 1993 г. демонстрируют эволюцию общественных настроений и политической позиции важнейших участников процесса – депутатов краевого Совета, а также должностных лиц администрации Приморского края.

Результаты исследования

Подъем регионализма на прострaнстве РСФСР, наблюдавшийся еще до распада Советского Союза, стал активно проявляться в первые постсоветские годы, став в некоторых краях и областях России заметным политическим фактором. Регионализм обретал разнообразные формы, порой соперничавшие друг с другом. Одним из его векторов стало движение за создание крупных межрегиональных ассоциаций, объединявших соседние регионы [Шашонков, 2020, с. 48-49]. Эти ассоциации, возникшие в

1990–1991 гг., нередко рассматривались как фундаменты для формирования будущих республик в составе России (Дальневосточной, Сибирской, «большой» Уральской и т. д.), примерно соответствовавших по размерам экономическим районам РСФСР [Из истории создания Конституции ... , 2008, с. 351].

Примечательно, что подобные инициативы некоторое время поддерживались политиками общесоюзного и общероссийского масштаба. Еще летом 1989 г. в Политбюро ЦК КПСС обсуждались предложения по «разгрузке» РСФСР и созданию нескольких самоуправляемых экономических районов, наделенных равными с союзными республиками правами в хозяйственных вопросах. Апробацию новой модели предлагалось осуществить в Дальневосточном экономическом районе. Идея создания «семи русских республик» присутствовала и в некоторых редакциях политической программы Б. Н. Ельцина в 1989–1990 гг. [Воронцов, 2024а, с. 142–143].

Результатом данного вектора развития регионализма стало создание Дальневосточной ассоциации Советов народных депутатов 11 августа 1990 г., объединившей Якутскую АССР, Приморский и Хабаровский (включая Еврейскую автономную область) края, Амурскую, Камчатскую, Магаданскую (включая Чукотский автономный округ) и Сахалинскую области

(*Красное знамя. 1990. 16 августа. С. 1*). Именно на базе данного межрегионального объединения ряд политических лидеров дальневосточных регионов, в том числе председатель Приморского краевого Совета А. А. Волынцев, предлагали в будущем образовать Дальневосточную республику в составе РСФСР (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1135. Л. 49*).

Однако вскоре и союзные, и российские политики сделали ставку не на формирование новых республик на базе экономических районов, а на политический торг с национальными образованиями в составе РСФСР. Союзный центр завлекал автономии возможностью участвовать в заключении нового союзного договора, российский центр не препятствовал принятию ими собственных деклараций о суверенитете. Что же касается краев и областей России, то знаменитый призыв Б. Н. Ельцина брать столько суверенитета, «сколько сможете проглотить», на них не распространялся. Однако возможность самостоятельно распоряжаться ресурсами, недрами, налогами и пошлинами оказалась весьма привлекательной. В этих условиях на передний план вышел второй вектор развития регионализма – концепция суверенитета отдельных территорий России, включая края и области.

Идея предоставления Приморскому краю особого статуса, позволявшего выйти за рамки привычной модели управления, была озвучена

ещё в сентябре 1990 г. во время рассмотрения в краевом Совете концепции создания зоны свободного предпринимательства. Один из вариантов, предложенный заместителем председателя крайисполкома В. К. Лозовым и депутатом краевого Совета Ю. Г. Диденко, предполагал распространение режима свободной зоны на всю территорию края. Предложение выходило далеко за рамки экономических вопросов. Разработчики проекта желали наделить краевые органы власти и управления обширными полномочиями: принимать акты, имеющие на территории Приморья силу закона, самостоятельно определять структуру и численность правоохранительных органов и таможенной службы, устанавливать порядок взимания налогов и отчислений в республиканский и союзный бюджеты, открывать зарубежные представительства (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 28-29*). При обсуждении проекта положения о зоне свободного предпринимательства в краевом Совете 14 сентября 1990 г. депутат А. А. Исаев предложил дополнительно предоставить Совету право приостанавливать действие союзных и республиканских законов, если депутаты сочтут их противоречащими интересам Приморья и задачам развития свободного предпринимательства в регионе (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1300. Л. 35*). Хотя данная инициатива осталась нереализованной, она

наглядно иллюстрирует стремление краевых депутатов к поиску новых форм взаимодействия с центром.

В тот момент идея наделения особым статусом краев и областей не была поддержана руководством России. Более того, в 1991–1992 гг. были предприняты определенные шаги, направленные на ограничение их самостоятельности. Так, осенью 1991 г. произошло усиление исполнительной вертикали – вместо исполкомов, подотчетных Советам, были образованы администрации областей и краев, главы которых назначались Президентом России по представлению Советов [Воронцов, 2024б, с. 120]. На практике Б. Н. Ельцин мог «забыть» согласовать назначение с региональными депутатами. Так, первый глава администрации Приморского края В. С. Кузнецов был назначен на должность без предварительного обсуждения его кандидатуры в краевом Совете, что вызвало недовольство депутатов (*Красное знамя*. 1991. 20-22 декабря. С. 2).

В начале 1992 г. в регионах наблюдалось растущее недовольство политикой федерального центра [Мельник, 2023, с. 41]. Помимо критики экономической программы Правительства России, со стороны краев и областей стали раздаваться голоса в поддержку равных прав с национальными республиками. В Приморском крае стремление к изменению существующего статуса отчётливо проявилось на заседании малого Совета 11–12 марта 1992 г.,

когда председатель краевого Совета народных депутатов Д. Н. Григорович усомнился в способности российского руководства учитывать интересы региона и откровенно охарактеризовал политику федерального центра как колониальную. «Что изменилось? – рассуждал он, приходя к неутешительному выводу, – Был союзный центр, стал центр республиканский. Сегодня нам диктуется всё: диктуются цены, диктуются ставки, диктуются налоги, валютные курсы, диктуются цены, номенклатура товаров». Д. Н. Григорович озвучил основные требования краевого Совета: «Дать нам самостоятельность в двух позициях. Первое – это край как субъект федерации и второе – право на пользование природными ресурсами, которые у нас есть» (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1413. С. 50*).

В октябре 1992 г., когда в Приморье работала специальная комиссия Верховного Совета России во главе с заведующим отделом по вопросам социально-экономического развития Б. М. Исаевым, депутаты Приморского краевого Совета В. А. Бутаков, Ю. Г. Рыбалкин, Ю. Г. Морозов, А. Н. Новосёлов, В. П. Шкрабов и К. Л. Исакович предложили российским депутатам принять специальный закон «О статусе Приморского края» (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1440. Л. 31*). Они добивались равноправия субъектов, а также расширения полномочий края в регулировании таможенных пошлин

и добычи природных ресурсов, выдаче лицензий на экспорт, определении порядка въезда и проживания иностранных граждан и т. д. 23 марта 1993 г. краевой Совет вновь поднял вопрос о том, что для обеспечения равенства субъектов Федерации «ни Верховный Совет, ни Правительство, кроме обещаний, никаких мер не принимают» (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1440. Л. 32). Затягивание обсуждения законопроекта «О статусе Приморского края», необходимость ревизии Федеративного договора, а также продолжавшийся системный кризис, переходивший в открытое противостояние Президента и Съезда народных депутатов, подталкивали приморских депутатов к более решительным шагам.

В конце марта 1993 г. группа депутатов краевого Совета объявила о создании фракции «Республика Приморье». На момент своего основания фракция состояла из всего восьми депутатов и терялась на фоне общего состава Совета, превышавшего две сотни человек. (Красное знамя. 1993. 20 марта. С. 1). Однако, несмотря на свою малочисленность, фракция смогла объединить под своим крылом известных и энергичных деятелей, принадлежавших к демократическому лагерю, сформировавшемуся в период Перестройки.

Среди основателей фракции выделялись депутаты А. А. Заболотников, И. К. Гринченко и А. А. Исаев, каждый из которых внес заметный

вклад в политическую жизнь региона. А. А. Заболотников ранее возглавлял Дальневосточную республиканскую партию свободы, выступавшую за создание Дальневосточной республики (*Дальневосточный учёный. 1990. 26 сентября – 2 октября. С. 2*). В свою очередь, И. К. Гринченко, основатель приморского отделения Социал-демократической партии России (*Утро России. 1991. 20 марта. С. 2*), проявил себя в законотворчестве, став одним из разработчиков проекта Устава Приморского края и автором ключевых программных документов приморских регионалистов (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1424. Л. 20). Важно отметить, что члены фракции «Республика Приморье» не ставили перед собой задачу отделения Приморского края от Российской Федерации, изначально дистанцируясь от сепаратистских наклонностей. Их главной целью являлось обретение Приморьем статуса республики в составе России (*Красное знамя. 1993. 20 марта. С. 1*).

Весна и лето 1993 г. ознаменовались напряженной работой депутатов – членов фракции «Республика Приморье» над документом, который должен был формализовать стремление Приморского края к изменению статуса. Этот документ получил наименование «Декларация о статусе Приморского края». Стимулом, побудившим краевой Совет к разработке Декларации, стала развернувшаяся дискуссия в период подготовки и открытия Конститу-

ционного совещания [Осипов, 2019, с. 89]. Край и области, преимущественно русские этническому составу населения, стремились добиться реального равноправия с национальными республиками и закрепления данной нормы в Конституции России [Горохов, 2016, с. 66; Шевелев, 2021, с. 101].

Так, 25 апреля 1993 г., одновременно с проведением Всероссийского референдума, целый ряд регионов организовал опросы жителей (в Вологодской области – областной референдум) [Матлин, 2024, с. 187; Шашонков, 2021, с. 387]. Формулировка вопроса могла незначительно различаться: в Санкт-Петербурге: «Согласны ли Вы с тем, что Санкт-Петербург как субъект Российской Федерации должен иметь такие же полномочия, как республики в составе Российской Федерации?», в Вологодской области: «Считаете ли Вы, что край и области, в том числе Вологодская область должны иметь равные конституционные права с республиками, входящими в Российскую Федерацию?», в Свердловской области: «Согласны ли Вы с тем, что Свердловская область по своим полномочиям должна быть равноправна с республиками в составе Российской Федерации?». Однако во всех случаях вопрос отражал стремление региона к приобретению равного статуса с республиками. При этом не было даже намека на возможную сецессию – своё будущее регионы видели

только в составе России. По итогам опросов жители массово поддержали инициативу: в Санкт-Петербурге «за» проголосовало 75 % избирателей из числа принявших участие в голосовании

(*Санкт-Петербургские ведомости. 1993. 28 апреля. С. 1*), в Вологодской области – 88 % (*Красный Север. 1993. 30 апреля. С. 1*), в Свердловской области – 83 % (*Областная газета. 1993. 30 апреля. С. 1*).

14 мая 1993 г. Вологодский областной Совет принял решение, официально закрепившее итоги голосования, установив, что область, оставаясь неотъемлемой частью Российской Федерации, обладает статусом государственно-территориального субъекта и наделена всеми правами, аналогичными правам республик в составе России (*Красный Север. 1993. 1 июня. С. 1*). 1 июля 1993 г. Свердловский областной Совет принял Декларацию об изменении статуса Свердловской области, объявив о намерении создать Уральскую республику (*Областная газета. 1993. 6 июля. С. 1*). Подобные акции ожидались и в других регионах: от Сибири и Дальнего Востока до Европейского Севера и Юга России [Горохов, 2016, с. 66]. Все это позволяет рассматривать движение за изменение статуса Приморского края как специфическую, но неразрывную часть общероссийского процесса.

Однако было бы преувеличением воспринимать стремление к большей самостоятельности При-

морья исключительно как подражание другим регионам, вставшим на путь «республиканизации». Разработчики проекта Декларации о статусе Приморского края не просто адаптировали опыт других краев и областей, но и стремились учесть специфические условия Приморья. 5 июля 1993 г. вопрос будущей Декларации обсуждался на заседании малого Совета Приморского краевого Совета народных депутатов. По итогам было решено вынести на обсуждение XI сессии краевого Совета, намеченной на 6–8 июля, два проекта.

Первый проект был опубликован по инициативе И. К. Гринченко 6 июля в газете «Красное знамя». Он состоял из преамбулы и 14 пунктов. В преамбуле провозглашалось создание на территории Приморского края Республики Приморье – государственного образования, наделённого конституционно-правовым статусом республики в составе Российской Федерации. В 14 пунктах определялись границы суверенных прав Приморья, провозглашались права на владение, пользование и распоряжение всеми природными ресурсами на территории региона, на ведение внешнеэкономической деятельности, на представительство в органах государственной власти Российской Федерации. Гражданство республики получали все граждане России, постоянно проживающие в Приморье (*Красное знамя. 1993. 6 июля. С. 1*). Второй проект, по характеристике заместителя председателя краевого

Совета В. А. Бутакова, «тоже весьма радикальный», отличался лаконичностью (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1446. Л. 93*). В нем присутствовали положения, отражённые в преамбуле первого проекта, однако не упоминались особенности будущего устройства Республики Приморье. Оба варианта предусматривали проведение общекраевого референдума для закрепления нового статуса региона.

Накануне открытия XI сессии краевого Совета в газете «Красное знамя» появилось обращение группы депутатов, принимавших участие в разработке проекта Декларации: И. К. Гринченко, А. А. Заболотников, В. М. Ксензука, Г. Л. Силантьева, В. П. Шкрабов под заголовком «Наш край – не задворки России». В нём содержался призыв к депутатам и жителям Приморья сделать выбор: либо заявить о себе как о равноправном субъекте России, либо влачить судьбу «колониальных задворков» Центральной России и ее национальных республик (*Красное знамя. 1993. 6 июля. С. 1*).

Основная дискуссия и голосование по проекту Декларации состоялись в заключительный день работы сессии – 8 июля 1993 г. Основной автор первого проекта, И. К. Гринченко, упорно отстаивал свой вариант документа. Он решительно отвергал обвинения в сепаратизме, подчеркивая, что его предложения были направлены на укрепление единства России (*ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1446*).

Л. 27, 31). Его поддержала небольшая, но активная группа депутатов. Наиболее запоминающимся оказалось выступление В. П. Шкрабова, который с присущей ему экспрессией убеждал депутатов «не рассусоливать» вопрос о республике и брать инициативу в свои руки (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 50, 51). Впрочем, его призыв «порвать с колониальной зависимостью», не заявляя при этом о разрыве с федеральным центром, был встречен большинством депутатов без энтузиазма. Краевой Совет явно демонстрировал желание избежать потенциально опасной риторики.

Влияние на ход дискуссии оказала и позиция исполнительной власти. Слово попросил глава администрации Приморского края Е. И. Наздратенко. Поднявшись на трибуну, он озвучил заявление, поступившее в ночь с 7 на 8 июля от В. В. Костикова, пресс-секретаря Президента Российской Федерации. В нем говорилось, что Б. Н. Ельцин не поддерживает инициативы Свердловского и Вологодского областных Советов по преобразованию областей в республики (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 57). Затем Е. И. Наздратенко заверил депутатов, что выступает за единую и неделимую Россию, но не возражает против обсуждения Декларации о статусе Приморского края, при этом призвав не «торпедировать» страну. Он предложил депутатам внести в решение формулировку,

которая бы подчеркнула не столько желание создать республику, сколько требование прав и полномочий по управлению экономикой региона (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 61-62).

В депутатском корпусе сложилось несколько точек зрения: некоторые народные избранники выступали против использования термина «республика» в названии субъекта, но при этом поддерживали идею равноправия краев и областей. Депутаты В. В. Горчаков и В. А. Гильгенберг высказали опасения, что провозглашение Республики Приморье может вызвать цепную реакцию, приведя к «параду автономий» внутри региона, подтолкнув к обособлению город Находку, коренные малочисленные народы в местах их компактного проживания на севере края, а также корейцев, планирующих вернуться в Хасанский район, где они и их предки проживали до депортации 1938 г (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 55, 70). Наблюдавшие за ходом дискуссии журналисты иронично обсуждали между собой идею выкупить остров Скребцова, более известный под народным названием «Коврижка» – необитаемую скалу в Амурском заливе вблизи Владивостока – и объявить его республикой (Красное знамя. 1993. 13 июля. С. 1).

По итогам обмена мнениями депутаты решили взять за основу более осторожный в формулировках проект Декларации о статусе При-

морского края, полностью исключив пункт о немедленном провозглашении Республики Приморье (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 78). Вместе с тем финальная редакция документа по-прежнему фиксировала стремление депутатов «учредить на территории Приморского края государственно-территориальное образование, имеющее конституционно-правовой статус республики в составе Российской Федерации» (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 184).

Решительный и даже несколько революционный тон, который был изначально присущ проекту Декларации, полностью исчез. Осталось лишь упоминание о возможности проведения краевого референдума по вопросу о статусе Приморья без установленных сроков. В то же время, некоторые положения из ранней редакции все же нашли отражение в другом документе – Обращении краевых депутатов к Съезду народных депутатов, Верховному Совету и Президенту Российской Федерации, также принятом краевым Советом 8 июля 1993 г. В нем депутаты подчеркнули свое стремление к равноправию субъектов, четкому разграничению полномочий, пересмотру существующих порядков налогообложения и формирования бюджетов всех уровней. Возможное отделение региона от России было решительно отринуту. В документе даже присутствовала просьба включить в текст Конституции положение, которое бы запрещало субъек-

там выход из состава Российской Федерации (*Красное знамя. 1993. 10 июня. С. 1*).

Четкой программы дальнейших действий ни в одном из принятых в тот день документов не содержалось. Первоначально депутаты краевого Совета даже не планировали давать какие-либо поручения исполнительной власти и лишь перед самым голосованием прислушались к предложению депутата Н. Л. Литвинова и поручили администрации края разработать «социально-экономическое обоснование возможного образования Республики Приморье» (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 91), а также провести консультации с регионами – членами Дальневосточной ассоциации экономического взаимодействия (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 100). Принятие Декларации и Обращения едва не сорвалось в связи с отсутствием в зале необходимого количества депутатов. Счетной комиссии краевого Совета приходилось несколько раз пересчитывать и перерегистрировать депутатов, а председателю Совета Д. Н. Григоровичу – повторно ставить вопрос на голосование (ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1448. Л. 95).

Надежды приморских депутатов на поддержку со стороны соседних регионов, входящих в Дальневосточную ассоциацию, не оправдалась. В частности, когда в середине июля появились слухи о возможных намерениях властей Хабаровского края провозгласить свой регион

республикой, первый заместитель председателя Хабаровского краевого Совета В. А. Бодров быстро опроверг эти домыслы, подчеркнув, что Совет не собирается обсуждать подобные вопросы (*Красное знамя. 1993. 15 июля. С. 1*).

Дискуссии о республике порой ставили в тупик сторонних наблюдателей, не всегда различавших грань между полным отделением от России и приобретением регионом статуса республики в составе Российской Федерации. К примеру, посетивший Владивосток в июле 1993 г. корреспондент итальянской газеты “Corriere della Sera” Паоло Валентино постарался выяснить у своих дальневосточных коллег-журналистов, действительно ли Приморье стало отдельной республикой и как теперь намерено строить свои взаимоотношения с Россией? (*Утро России. 1993. 17 июля. С. 1*).

Летом 1993 г. вопрос о равных правах субъектов Федерации продолжал оставаться в центре внимания в ходе подготовки проекта Конституции России. Большую тревогу субъектов вызывало стремление национальных республик обеспечить себе повышенную норму представительства в Совете Федерации, которая обеспечила бы им половину мест в верхней палате нового федерального органа законодательной власти. Впрочем, Конституционное совещание сочло более целесообразным установить единую норму регионального представительства [Осипов, 2019, с. 91]. Примечатель-

но, что ряд журналистов и политических обозревателей в этот период рассматривали стремление краев и областей повысить свой статус как согласованную с федеральными властями акцию. «Не исключено, – рассуждал в августе 1993 г. обозреватель “Московских новостей” В. А. Орлов, – что “разумная суверенизация” областей негласно поощряется центром, желающим получить козырную карту в диалоге с республиками» (*Утро России. 1993. 10 августа. С. 3*).

Однако публичная риторика федерального центра не подтверждала подобную точку зрения. В сентябре 1993 г. во время своего визита в Забайкалье против преобразования краев и областей в республики высказался заместитель председателя Правительства Российской Федерации С. М. Шахрай. (*Утро России. 1993. 15 сентября. С. 1*). В диалоге с регионами центр также прибегал к внешнеэкономическим аргументам. Так, после прошедшего в августе 1993 г. ежегодного совещания министров иностранных дел Ассоциации государств Восточной Азии (АСЕАН) в средствах массовой информации было опубликовано сообщение неназванного члена российской делегации, предостерегавшего регионы от непродуманных действий. По его словам, стремление отдельных политиков и общественных деятелей Сибири и Дальнего Востока к обособлению напугало потенциальных инвесторов и заставило их заморозить своё

участие в нескольких совместных проектах (*Утро России. 1993. 3 августа. С. 3*).

Осень 1993 г. ознаменовалась резким спадом движения за Республику Приморье. «Республиканская» идея и прежде не отличалась ни количеством активных сторонников, ни административным ресурсом. После событий октября ее угасание стало стремительным и необратимым. Мысли о собственной республике теперь всё чаще отождествлялись федеральными властями с сепаратизмом, прямым противостоянием политике Президента России Б. Н. Ельцина и подрывом целостности российского государства.

В середине октября 1993 г. в атмосфере политической напряженности, последовавшей за событиями в Москве, редакция газеты «Утро России» – печатного органа Приморского краевого Совета – организовала круглый стол под красноречивым названием «Приморская республика: кому и для чего она нужна?», на котором присутствовали депутаты, в том числе председатель Приморского краевого Совета Д. Н. Григорович, а также представитель Президента Российской Федерации в Приморском крае В. П. Бутов. Фактически обсуждение проблемы превратилось в попытку откеститься от какой-либо причастности к поддержке концепта Республики Приморье (*Утро России. 1993. 14 октября. С. 1; 19 октября. С. 3*).

Д. Н. Григорович сделал заявление, в котором попытался переложить ответственность за разработку Декларации о статусе Приморского края на чиновников краевой администрации. По его словам, именно они подталкивали его к объявлению Приморья республикой, обещая должность президента нового государственного образования (*Утро России. 1993. 19 октября. С. 3*). Представитель Президента Российской Федерации в Приморском крае В. П. Бутов утверждал, что движение за создание республики было вызвано жадой наживы «тех лиц, что почуяли в этом деле запах больших денег». Под «теми лицами» он подразумевал главу администрации края Е. И. Наздратенко и его заместителей А. В. Павлова и И. П. Лебединца. Эти обвинения не стали сюрпризом, так как и ранее В. П. Бутов пытался добиться отставки Е. И. Наздратенко и его команды, обвиняя их в коррупции, формировании незаконных бизнес-структур и уклонении от уплаты налогов (*Утро России. 1993. 14 октября. С. 1*). С осуждением республиканских настроений выступили депутаты краевого Совета Ю. Г. Рыбалкин и В. В. Соколов. Ранее симпатизировавший идее республики заведующий Дальневосточным бюро ВГТРК М. Б. Вознесенский радикально скорректировал свою точку зрения, заверив присутствующих, что не представляет себе раздел Тихоокеанского флота между Рос-

сией и Республикой Приморье.

Поскольку на круглом столе отсутствовали представители администрации края, единственным защитником исполнительной власти выступил заместитель редактора газеты «Красное Знамя» С. И. Новосёлов, в прошлом – автор обращения в поддержку республиканского статуса Приморья. Он отверг какие-либо обвинения в сепаратизме, подчеркнув, что политический концепт Республики Приморье никогда не предполагал существования региона в качестве независимого государства. Единственным же мотивом краевой администрации являлось получение Приморским краем равных прав с республиками в составе Российской Федерации и избавление от порочной практики разделения страны на «территории первого и второго сорта». По его оценке, в сравнении с весной – летом 1993 г. условия кардинальным образом изменились – завершилась подготовка новой Конституции России и Устава Приморского края, которые фактически уравнивали Приморье в правах с остальными субъектами Российской Федерации. Теперь, как утверждал С. И. Новосёлов: «Никакой республики создавать нельзя, и даже такое название следует забыть» (*Утро России. 1993. 19 октября. С. 3*).

Следует признать, что роль администрации Приморского края, а также ее руководителя Е. И. Наздратенко в истории проекта Республики Приморье до сих пор оценивается

весьма неоднозначно. В публикациях, особенно в СМИ, можно встретить утверждение о поддержке им идеи республиканского статуса Приморья, о согласованных действиях депутатов – «республиканцев» и главы администрации. Однако если обратиться к стенограммам сессий краевого Совета и к выступлениям самого Е.И. Наздратенко, можно заметить, что его публичная позиция была довольно осторожной и взвешенной. В начале июля 1993 г., политическая ситуация вынуждала Е. И. Наздратенко действовать с оглядкой на краевой Совет, который всего чуть больше месяца назад дал согласие на его назначение главой администрации края [Воронцов, 2024б, с. 124]. С другой стороны, чрезмерная поддержка инициатив радикальных депутатов могла лишить Е. И. Наздратенко поддержки Б. Н. Ельцина и его окружения. В этом контексте его выступление на сессии Совета 8 июля, в котором он озвучил заявление пресс-секретаря Президента России, можно рассматривать либо как заранее подготовленную акцию, либо как удачное стечение обстоятельств. В любом случае, это заявление позволило ему занять компромиссную позицию – обсуждать Декларацию, но не «торпедировать» страну, которая оказалась приемлема как для большинства депутатов краевого Совета, так и для окружения Президента.

Попытки политических противников выявить в высказываниях и

действиях главы администрации признаки сепаратизма не принесли желаемого результата. В его публичных выступлениях критики смогли обнаружить лишь фразу, произнесенную в радиоэфире 22 сентября 1993 г.: «...во всём этом безумии выход один – взять и отделиться всем Дальним Востоком», отражавшую скорее желание избежать эскалации конфликта, нежели реальные намерения отделить Приморье от России. Оппоненты также ссылались на размышления Е. И. Наздратенко в телепередаче «Вагон 03», о том, что он мог бы стать дальневосточным «генерал-губернатором». Впрочем, вспомнивший об этом эпизоде журналист газеты «Утро России» Д. З. Гайнутдинов признал, что данная идея принадлежала не Е. И. Наздратенко, а его предшественнику на посту главы администрации края В. С. Кузнецову (*Утро России. 1993. 19 октября. С. 3*). Сама же идея не подразумевала отделения региона, а скорее служила целью укрепления властной вертикали. Впрочем, вплоть до создания федеральных округов в 2000 г., никаких структур, даже отдаленно напоминавших генерал-губернаторство на Дальнем Востоке, не возникло. Политические оппоненты, стремясь подорвать авторитет Е. И. Наздратенко, в итоге лишь подтвердили отсутствие у него серьезных намерений отделить регион от России.

14 октября 1993 г. в газете «Красное знамя» было опубликовано заявление администрации Приморского края под заголовком «“Нет!” – спекуляциям о сепаратизме Е. Наздратенко». В нём глава администрации и члены его команды резко обрушились на своих оппонентов, уличив их в дискредитации исполнительной власти Приморья перед Президентом России. «На самом деле, – говорилось в заявлении, – администрация края никогда не была инициатором постановки вопроса о повышении краевого статуса Приморья до статуса республики в составе Российской Федерации: как известно эта инициатива на XI сессии Приморского краевого Совета исходила от большой группы депутатов». Завершалось заявление словами: «Приморский край всегда при всех обстоятельствах должен быть неотъемлемой частью Российского государства. Такой была принципиальная позиция администрации края с момента, когда её возглавил Е. Наздратенко, такой она и остаётся» (*Красное знамя. 1993. 14 октября. С. 1*).

Дальнейшее развитие событий показало, что сохранение доверия Б. Н. Ельцина стало значительным подспорьем в работе Е. И. Наздратенко на посту главы администрации и в его противостоянии с руководством краевого Совета осенью 1993 г. В отличие от главы администрации Свердловской области Э. Э. Росселя, оказавшегося заложником регионалистского проекта

Уральской республики, пытавшегося довести его до завершения вопреки желанию Президента и в итоге отстранённого от должности [Из истории создания Конституции ... , 2009, с. 434], Е. И. Наздратенко избежал подобной участи. Более того, благодаря поддержке федерального центра он вскоре сумел добиться отставки одного из своих главных недоброжелателей – представителя Президента России в Приморье В. П. Бутова [Воронцов, 2024б, с. 124].

Среди жителей Приморского края идея создания республики не смогла завоевать популярности. Общекраевой референдум, который был предусмотрен Декларацией о статусе Приморского края, так и не состоялся. Опросы населения и подборки писем, публиковавшиеся в газетах Владивостока, городов и районов края, не позволяют прийти к выводу о широком увлечении приморцев идеей суверенитета (*Приморец. 1993. 27 июля. С. 2*).

30 октября 1993 г. Общественная палата Конституционного совещания выступила с официальным осуждением стремления регионов к провозглашению собственной государственности [Из истории создания Конституции ... , 2009, с. 433]. Точку в создании новых «неэтнических» республик в составе России поставило устранение ключевых акторов регионалистского проекта на Урале. 9 ноября 1993 г. был распущен Свердловский областной Совет, а на следующий день глава

администрации Свердловской области и лидер уральских регионалистов Э. Э. Россель был отстранен от должности [Осипов, 2021, с. 222]. Хотя последний и сумел вскоре вернуться в губернаторское кресло по итогам выборов, от идеи провозглашения республики ему пришлось отказаться.

В свете этих событий, возможность реализации и тем более легитимации подобных проектов в краях и областях России теперь оказалась иллюзорной. Реакция федерального центра ясно показала, что отныне попытки одностороннего изменения статуса регионов будут пресекаться.

Заключение

Таким образом, возникновение идеи изменения конституционно-правового статуса Приморского края не было спровоцировано стремлением политической элиты региона отделить Приморье от Российской Федерации. Не являясь по своей природе сепаратистским, концепт Республики Приморье представлял собой один из векторов развития приморского регионализма. Основные причины, побудившие депутатов Приморского краевого Совета обратиться к вопросу о предоставлении Приморью статуса республики, были связаны как с внутренними особенностями развития региона, так и с общенациональной дискуссией, касавшейся новых принципов федеративного устройства России.

Движение за приобретение республиканского статуса развивалось на фоне Конституционного совещания, где вопрос о равноправии субъектов Федерации вызвал горячие споры и разногласия. Ощущение несправедливости и неравенства, вызванного «асимметрией» федеративной системы, подготовило почву для дискуссии о статусе краев и областей России, в том числе Приморья. Как первоначальный проект Декларации, так и его окончательная версия, принятая краевым Советом, отражали эти настроения.

Осенью 1993 г. в условиях стремительно меняющейся политической обстановки концепт Республики Приморье утратил поддержку как со стороны общественности, так и со стороны представителей власти. В новом восприятии, продиктованном федеральным центром, поддержка республиканской идеи стала своего рода маркером, указывающим на принадлежность к деструктивным силам – противникам президентского курса.

Говоря о причинах, способствовавших снижению интереса к идее республиканского статуса Приморского края, следует признать, что закрепление в новой Конституции России принципа равноправия субъектов Федерации стало важным шагом к достижению одной из основных целей, которую ставили перед собой сторонники Республики Приморье. Это означало, что противоречия «асимметричной федерации», по крайней мере, в юридическом плане, были преодолены. Вторым фактором стал разгон Советов, ослабивший позиции и без того небольшой группы региональных политиков, выступавших в поддержку республики. Далеко не все представители бывшей фракции «Республики Приморье» смогли вписаться в новую политическую структуру региона после событий осени 1993 г. Возможности для продвижения своих инициатив и проектов оказались крайне ограниченными, что сделало дальнейшую борьбу за республиканский статус практически невозможной.

Библиографический список

1. Буянов Е. В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.). Благовещенск : Амурский государственный университет. 2001. 307 с.
2. Ващук А. С. Центр – регион // Россия и АТР. 1996. № 3. С. 57–64.
3. Витковская Т. Б. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан / Т. Б. Витковская, М. В. Назукина // Мир России. 2021. Т. 30. № 1. С. 67–87.
4. Воронцов Н. С. Дальневосточная ассоциация или Дальневосточная республика? Проблема поиска модели межрегиональной интеграции в первой половине 1990-х гг. // Ветер Перестройки – 2023: сборник материалов III Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 04–08 октября 2023 года. Санкт-Петербург : [Б. и.], 2024. С. 140–151.

5. Воронцов Н. С. Трансформация органов исполнительной власти Приморского края в первой половине 1990-х гг. // Социально-политические исследования. 2024. № 3. С. 111–129.
6. Горохов И. В. Федеральный центр и сибирский регион: проблемы взаимоотношений. Красноярск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2016. 144 с.
7. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. Т. 2 : 1991 год / под общ. ред. О. Г. Румянцева. Москва : Волтерс Клувер, 2008. 1120 с.
8. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. Т. 4: 1993 год. Книга третья (июль – декабрь 1993 года) / под общ. ред. О. Г. Румянцева. Москва : Волтерс Клувер, 2009. 1120 с.
9. Камынин В. Д. Уральская республика 1993 г. в дискурсе научного сообщества / В. Д. Камынин, А. В. Лямзин // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 134–142.
10. Кирьянов И. К. Регионалистские проекты в неэтнических регионах России: акторы, легитимация, эффективность / И. К. Кирьянов, П. В. Панов // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 67–85.
11. Коваленко С. Г. Управленческая элита на Дальнем Востоке России в 1990-е гг.: лидеры регионов и вертикаль власти // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 33. С. 65–79.
12. Коняхина А. П. Власть и общественно-политические настроения дальневосточников в переходный период (вторая половина 1980 – начало 1990-х годов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. № 2. С. 133–138.
13. Матлин А. Д. Проведение Всероссийского референдума 25 апреля 1993 года в Санкт-Петербурге // Философия и культура информационного общества: Тезисы докладов Двенадцатой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2024 года. Санкт-Петербург : ГУАП, 2024. С. 186–188.
14. Мельник А. Г. Образ федерального центра в информационном пространстве Сибири в период 1989-1993 гг. (на примере Томской и Кемеровской областей) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 35–42.
15. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В. Л. Ларина; отв. ред. А. С. Вашук. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.
16. Осипов И. В. Идея Уральской Республики в период государственной трансформации Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 217–226.
17. Осипов И. В. Равноправие субъектов Российской Федерации в дискуссиях конституционного совещания // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 74. С. 84–104.

18. Панов П. В. Многоликий регионализм // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. Т. 14? № 1. С. 102–115.

19. Троякова Т. Г. Формирование правящей группировки в Приморье // Россия и АТР. 1996. № 3. С. 65–72.

20. Шашонков П. А. История возникновения и развития в России межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия в начале 1990-х гг. // Современные аспекты экономики. 2020. № 2. С. 47–54.

21. Шашонков П. А. Референдумы в российских регионах 25 апреля 1993 г. как первая ревизия Федеративного договора 1992 г. (по материалам периодической печати) // Гуманитарная наука в Политехническом университете: сборник статей конференции, Санкт-Петербург, 16 мая 2020 года. Санкт-Петербург : СППУ Петра Великого, 2021. С. 385–389.

22. Шевелев Д. Н. Взаимодействие Центра и регионов в период разработки Федеративного договора 1992 г. / Д. Н. Шевелев, А. Г. Мельник // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 1. С. 95–104.

23. Шевелев Д. Н. Становление российского федерализма в 1990-е годы как историографическая проблема / Д. Н. Шевелев, А. Г. Мельник // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 86. С. 161–169.

Reference list

1. Bujanov E. V. Organy gosudarstvennoj vlasti dal'nevostochnyh sub#ektov Rossijskoj Federacii: istorija i itogi reformirovanija (koniec 1980-h – 1990-e gg.) = State authorities of the Far Eastern constituent entities of the Russian Federation: history and results of reform (late 1980s – 1990s). Blagoveshensk : Amurskij gosudarstvennyj universitet. 2001. 307 s.

2. Vashhuk A. S. Centr – region = Center – Region // Rossiya i ATR. 1996. № 3. S. 57–64.

3. Vitkovskaja T. B. Traektorii razvitiya regionalizma v Rossii: opyt Sverdlovskoj oblasti i Respubliki Tatarstan = Trajectories of regionalism in Russia: the experience of the Sverdlovsk region and the Republic of Tatarstan / T. B. Vitkovskaja, M. V. Nazukina // Mir Rossii. 2021. Т. 30. № 1. S. 67–87.

4. Voroncov N. S. Dal'nevostochnaja asociacija ili Dal'nevostochnaja respublika? Problema poiska modeli mezhregional'noj integracii v pervoj polovine 1990-h gg. = Far Eastern Association or Far Eastern Republic? The problem of finding a model of interregional integration in the first half of the 1990s. // Veter Perestrojki – 2023: sbornik materialov III Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 04–08 oktjabrja 2023 goda. Sankt-Peterburg : [B. i.], 2024. S. 140–151.

5. Voroncov N. S. Transformacija organov ispolnitel'noj vlasti Primorskogo kraja v pervoj polovine 1990-h gg. = The transformation of the executive authorities of the Primorsky Territory in the first half of the 1990s. // Social'no-politicheskie issledovanija. 2024. № 3. S. 111–129.

6. Gorohov I. V. Federal'nyj centr i sibirskij region: problemy vzaimootnoshenij. Federal Center and Siberian Region: Relationship Problems. Krasnojarsk : KGPU im. V. P. Astaf'eva, 2016. 144 s.

7. Iz istorii sozdanija Konstitucii Rossijskoj Federacii. Konstitucionnaja komissija: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.) : v 6 t. Т. 2 : 1991 god = From

the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990-1993): in 6 vols. Vol. 2:1991 / pod obshh. red. O. G. Rumjanceva. Moskva : Volters Kluver, 2008. 1120 s.

8. Iz istorii sozdaniya Konstitucii Rossijskoj Federacii. Konstitucionnaja komissija: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990-1993 gg.): v 6 t. T. 4: 1993 god. Kniga tret'ja (ijul' – dekabr' 1993 goda) = From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990-1993): in 6 vols. Vol. 4: 1993. Book Three (July – December 1993) / pod obshh. red. O. G. Rumjanceva. Moskva : Volters Kluver, 2009. 1120 s.

9. Kamynin V. D. Ural'skaja respublika 1993 g. v diskurse nauchnogo soobshhestva = Ural Republic 1993 in the discourse of the scientific community / V. D. Kamynin, A. V. Ljamzin // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 481. S. 134–142.

10. Kir'janov I. K. Regionalistskie proekty v nejetnicheskikh regionah Rossii: aktory, legitimacija, jeffektivnost' = Regionalist projects in non-ethnic regions of Russia: actors, legitimization, effectiveness / I. K. Kir'janov, P. V. Panov // Polis. Politicheskie issledovanija. 2022. № 1. S. 67–85.

11. Kovalenko S. G. Upravlenscheskaja jelita na Dal'nem Vostoke Rossii v 1990-e gg.: lidery regionov i vertikal' vlasti = Management elite in the Russian Far East in the 1990s: regional leaders and vertical power // Trudy instituta istorii, arheologii i jetnografii DVO RAN. 2021. T. 33. S. 65–79.

12. Konjahina A. P. Vlast' i obshhestvenno-politicheskie nastroyenija dal'nevostochnikov v perehodnyj period (vtoraja polovina 1980 – nachalo 1990-h godov) = Power and socio-political moods of the Far East during the transition period (second half of 1980 – early 1990s) // Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. 2008. № 2. S. 133–138.

13. Matlin A. D. Provedenie Vserossijskogo referendum 25 aprelja 1993 goda v Sankt-Peterburge = Holding of the All-Russian referendum on April 25, 1993 in St. Petersburg // Filosofija i kul'tura informacionnogo obshhestva: Tezisy dokladov Dvenadcatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 21–23 nojabrja 2024 goda. Sankt-Peterburg : GUAP, 2024. S. 186–188.

14. Mel'nik A. G. Obraz federal'nogo centra v informacionnom prostranstve Sibiri v period 1989-1993 gg. (na primere Tomskoj i Kemerovskoj oblastej) = The image of the federal center in the information space of Siberia in the period 1989–1993. (on the example of Tomsk and Kemerovo regions) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2023. № 81. S. 35–42.

15. Obshhestvo i vlast' na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg. (Istorija Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5) = Society and power in the Russian Far East in 1960-1991 (History of the Russian Far East. VOL. 3. Book 5) / pod obshh. red. V. L. Larina; otv. red. A. S. Vashhuk. Vladivostok : IIAJe DVO RAN, 2016. 940 s.

16. Osipov I. V. Ideja Ural'skoj Respubliki v period gosudarstvennoj transformacii Rossijskoj Federacii = The idea of the Ural Republic during the state transformation of the Russian Federation // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2021. T. 26, № 3. S. 217–226.

17. Osipov I. V. Ravnopravie sub#ektov Rossijskoj Federacii v diskussijah konstitucionnogo soveshhanija = Equality of the constituent entities of the Russian Federation in the discussions of the constitutional meeting // Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik. 2019. № 74. S. 84–104.

18. Panov P. V. Mnogolikij regionalizm = Multi-face regionalism // Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija. 2020. T. 14. № 1. S. 102–115.

19. Trojakova T. G. Formirovanie pravjashhej gruppirovki v Primor'e = Formation of the ruling group in Primorye // Rossiya i ATR. 1996. № 3. S. 65–72.

20. Shashonkov P. A. Istorija vzniknovenija i razvitija v Rossii mezhregional'nyh asociacij jekonomicheskogo vzaimodejstvija v nachale 1990 h gg. = The history of the emergence and development in Russia of interregional associations of economic interaction in the early 1990s. // Sovremennye aspekty jekonomiki. 2020. № 2. S. 47–54.

21. Shashonkov P. A. Referendумы v rossijskih regionah 25 aprelja 1993 g. kak pervaja revizija Federativnogo dogovora 1992 g. (po materialam periodicheskoj pečati) = Referendums in Russian regions on April 25, 1993 as the first revision of the 1992 Federal Treaty (based on periodicals) // Gumanitarnaja nauka v Politehnicheskom universitete: sbornik statej konferencii, Sankt-Peterburg, 16 maja 2020 goda. Sankt-Peterburg : SPPU Petra Velikogo, 2021. S. 385–389.

22. Shevelev D. N. Vzaimodejstvie Centra i regionov v period razrabotki Federativnogo dogovora 1992 g. = Interaction between the Center and the regions during the development of the 1992 Federal Treaty / D. N. Shevelev, A. G. Mel'nik // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 23, № 1. S. 95–104.

23. Shevelev D. N. Stanovlenie rossijskogo federalizma v 1990-e gody kak istoriograficheskaja problema = The formation of Russian federalism in the 1990s as a historiographic problem / D. N. Shevelev, A. G. Mel'nik // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2023. № 86. S. 161–169.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication on 15.05.2025